

ТЕОЛОГИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ

Е.С. Гизбрехт, Н.А. Тарабанов

Национальный исследовательский Томский государственный университет.
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

В статье рассматривается проблема академического присутствия теологии, то есть вопрос о том, каковы факторы, определяющие преподавание теологии в пространстве светского университета. Богатый материал для исследования предоставляет ситуация академической экспансии богословия, которая в настоящее время реализуется в России. Изучение проблемы академического присутствия теологии позволяет не только прояснить содержание дискуссий о возможности включения данной дисциплины в учебные планы высших учебных заведений внутри страны, но и в перспективе дополнить современные философские и социологические представления о стратегиях теологии в постсекулярном мире.

В разработке данной проблемы сочетаются подходы, предлагаемые социологией знания и политической философией. Проблема академического присутствия теологии представлена как частный случай проблемы легитимации, поставленной социологией знания, то есть проблемы организации поддержания социального универсума или подуниверсумов. Соответственно, попытки теологии войти в академическое пространство оборачиваются взаимодействием с существующей легитимацией

университета. В рамках этого взаимодействия теология может реализовывать либо стратегию сохранения (теология самоопределяется в соответствии с господствующей легитимацией университета), либо стратегию подрыва (в рамках этой стратегии теология указывает на проблематичные моменты господствующей легитимации университета и требует их переосмысления, трансформации). Стратегии сохранения и подрыва осуществляются в рамках двух аспектов: познавательного и политического. Итогом работы является описание элементов господствующей легитимации университета (эти элементы являются вместе с тем факторами делегитимации теологии), выступающих в качестве «вызовов» для теологии, и соответствующих «ответов» теологии (то есть стратегий подрыва и сохранения).

Ключевые слова: проблема академического присутствия теологии, теология, (богословие), университет, образование, легитимация, стратегия подрыва, стратегия сохранения, социальный универсум, познание.

Функционирование теологии в академическом пространстве исчисляется веками, но проблема академического присутствия теологии является относительно новым предметом философского интереса в России и в некоторых зарубежных странах в постсоветский период. Профессиональное сообщество рассматривает вопрос о том, необходимо или излишне присутствие теологии в академическом пространстве. Однако, по нашему мнению, прежде чем дать на него ответ, необходимо исследовать, какие факторы определяют воззрения на возможность присутствия теологии в университете. Вероятно, такой подход сможет прояснить действительное содержание дискуссий о соответствии или несоответствии теологии академическому пространству.

Таким образом, проблема академического присутствия теологии является вопросом о том, какими факторами определяется (не)легитимность присутствия теологии в светском университете¹ в ситуации академической экспансии данной дисциплины, то есть в случае, когда эта дисциплина входит в университет «извне» в силу причин, напрямую не связанных с логикой развития университета.

Среди работ, близких по тематике нашему исследованию, стоит отметить статью Ауры-Елены Шусслер (Aura-Elena Schussler) «Postmodernism and the Simulacrum of Religion in Universities» [Schussler, 2016]. В поиске факторов, которые оказывают основное влияние на формы функционирования теологии в университете, исследовательница обращается к общим представлениям о реальности, господствующим в то или иное время. Например, относительно современности предполагается, что существующая под знаком постнигилизма и гиперреальности религия производит «слабую теологию», то есть теологию адаптивную и интерконфессиональную. Впрочем, рассматриваемое исследование предполагает длительную историю

присутствия теологии в университете: А.-Е. Шусслер обращается к университетам Европы, для которых теология была неотъемлемой частью академического пространства – соответственно, об академической экспансии в данном случае говорить нельзя.

На наш взгляд, такой подход может быть дополнен и продолжен рассмотрением других общих аспектов проблемы, то есть различных типов отношений университета, религии (теологии) и государства. Отечественные работы, связанные с проблемой академического присутствия теологии (например, [Алфеев, 2016; Полевой, 2017; Элбакян, 2016]), напротив, в наибольшей мере фокусируются на более конкретных аспектах вопроса. Поскольку российская образовательная ситуация представляет вопросы наличия теологии в университете *de facto*, отечественные исследователи обращаются преимущественно к анализу логики и содержания аргументации сторонников и противников широкого проникновения теологии в российский светский университет. Таким образом, существует потребность в исследовании, которое могло бы обобщить факторы, влияющие на положение теологии в университете, а также восприятие этого положения заинтересованными сторонами.

Кроме того, проблема академического присутствия теологии может быть изучена не только в качестве локальной образовательной практики. От нашего понимания факторов, влияющих на формы присутствия теологии в университете, зависит возможность прояснения функционирования религии в постметафизической, постсекулярной и постмодернистской действительности.

Философский подход к данной теме необходим, так как он позволяет описать основные аспекты взаимодействия университета, государства и теологии. Эти аспекты связаны с познавательным (университет как пространство производства знания) и политическим (университет и теология в их взаимодействии с государ-

¹ Под светским университетом понимается современный государственный университет, который не получает (или получает в незначительном объеме) финансирование от религиозных организаций.

ством) измерением функционирования университета. Соответственно, проблема академического присутствия теологии может быть рассмотрена в рамках двух аспектах: познавательного и политического.

Стремление теологии войти в пространство светского университета может быть реализовано несколькими способами. Данная дисциплина в университете может предстать или как конгруэнтная сложившейся системе распределения символического капитала, относящегося к знанию, или в качестве претензии на подрыв сложившейся системы распределения символического капитала. Подобные стратегии рассматриваются в работе Пьера Бурдьё «Клиническая социология поля науки» [Бурдьё, 2001].

В рамках концепции П. Бурдьё поле науки определяется как пространство игрового функционирования научного капитала, пространство борьбы за научный авторитет. Научным авторитетом именуется закрепляемая за актором социальная власть и способность нечто сообщать и действовать от имени науки. Иными словами, научный авторитет обеспечивает легитимность высказывания за счёт того, что оно приписывается научному дискурсу. Бурдьё, таким образом, критикует функционалистское описание науки как системы идеалов, норм и ценностей, к принятию которых принуждает научное сообщество. В функционировании научного капитала воедино сливаются познавательные, политические и ценностные факторы, и это функционирование осуществляется в форме борьбы за научный капитал.

Будучи ставкой в научной конкуренции, монополия на научную компетентность может добываться двумя основными способами. Первый способ (стратегия сохранения) консервативен, он предполагает менее рискованные «инвестиции»: агенты, действующие таким образом, поступают в соответствии со сложившимися исследовательским традициями. Приверженцы второго способа (стратегии подрыва), напротив, ставят под угрозу сложившуюся научную пара-

дигму, предлагая неожиданные сферы исследования, методы и решения для поставленных проблем.

По нашему мнению, возможные стратегии теологии в ситуации академической экспансии совпадают с применяемыми учёными способами завоевания научного авторитета в описании Бурдьё, так как предметом борьбы и в том, и в другом случае оказывается символический капитал, которым располагает наука.

Точкой отсчёта для стратегий сохранения и подрыва, которые могут быть реализованы теологией, могут быть названы господствующие легитимации науки и университета. Если теология осуществляет стратегию сохранения, то она с необходимостью стремится к репрезентации господствующих легитимаций университета и науки. При противоположном действии, то есть в рамках стратегии подрыва, теология претендует на переопределение знания и системы его деления.

Познавательный аспект проблемы академического присутствия теологии

Познавательный аспект академического присутствия теологии связан с функционированием университета как инстанции производства, а также хранения знания. Важную роль здесь играет аксиологическая нагруженность понятия знания: в познавательных категориях мы описываем то, что ценно в силу своей эффективности [Лиотар, 1998]. Поэтому вход в академическое пространство ограничивается вопросом: достаточно ли теология эпистемически эффективна, чтобы считаться знанием и присутствовать в университете?

Вместе с тем само измерение эпистемической эффективности – процедура с до конца не определёнными критериями. По утверждению Жана-Франсуа Лиотара, эффективность науки как целого связана преимущественно с производственной эффективностью отдельных дисциплин [Лиотар, 1998]. Соответственно, необ-

ходимость присутствия в университете гуманитарного знания на фоне данного утверждения выглядит сомнительной. Тем не менее, социогуманитарные дисциплины представлены в академическом пространстве, чему способствует ряд факторов. Во-первых, данный тип дисциплин включен в университетскую доксу, то есть концептуальную структуру университета, обладающую значимой принудительной силой [Бурдые, 1996]. Во-вторых, любое знание, которому находится место в университете, функционирует как наука. Для определения того, что значит «функционировать как наука», мы считаем нужным обратиться к теоретическому инструментарию социологии знания.

Благодаря социологии знания, проблема академического присутствия теологии может быть вписана в контекст более общей проблемы легитимации. Под последней понимается организация поддержания социального универсума или социальных подуниверсумов. Само понятие легитимации приобретает в процессе социального функционирования: появление социального института воспринимается современниками этого события как нечто естественное. Однако последующие поколения нуждаются в объяснении необходимости и принципов функционирования социального мира. Легитимация служит именно этой цели [Бергер и Лукман, 1995].

Статус знания в такой системе приобретает объективированными значениями действий, осуществляемых в общем потоке функционирования социального института. Посредством «завесы легитимации» [Бергер и Лукман, 1995: 104] создаётся и передаётся смысл того или иного социального установления. Это означает, что легитимируемый институт получает устойчивую интерпретацию в терминах решения постоянно существующей проблемы [Бергер и Лукман, 1995].

Примером может служить восприятие науки как способа решения теоретических и практических проблем, с которыми сталкивается человек. В терминах такой легитимации другие формы знания получают ярлык «донаучных» и в соот-

ветствии с этим ярлыком описываются как неэффективно выполняющие функции науки. Например, таким образом у Огюста Конта представлены три этапа развития человечества: теологическая и метафизическая стадия только предваряют позитивную, которая несёт максимально объективную и эффективную истину [Конт, 1910].

Основные требования к легитимации – это ее простота и логическая связность. Под простотой в данном случае понимается возможность выражения необходимого содержания при помощи минимума средств [Бергер и Лукман, 1995]. Например, легитимация может быть отражена в лозунгах. В случае науки элементом её классической легитимации являются принципы научного знания, которые искала и определяла классическая философия науки (доказательность, обоснованность, верифицируемость и т. д.). Предполагалось, что практика научного знания не должна отступать от этих критериев.

Итак, «функционировать как наука» означает следовать выработанным в рамках соответствующего социального института типизациям деятельности, которые предстают в качестве обусловленных «сущностью» проблемы, на решение которой направляет себя тот или иной институт. Таким образом, научное функционирование в широком смысле предполагает также включённость (или возможность включения) в университетскую доксу.

Продолжая мысль Бурдые, можно отметить, что теология может «отреагировать» на господствующую легитимацию университета, одним из аспектов которой является представление об университете как о пространстве научного знания, двумя способами. С одной стороны, данная дисциплина может быть представлена в качестве функционирующей по научным стандартам (в этом случае можно говорить о стратегии сохранения), а с другой – в качестве совершенно самостоятельного дискурса, для которого нет необходимости соответствовать нормам научного знания.

Итак, познавательный аспект академического присутствия теологии является одним из способов рассмотрения проблемы академического присутствия теологии. Следуя данному исследовательскому вектору, мы определили университет как пространство производства и хранения знания, а знание – как то, что называется знанием и ценится в качестве такового в определённой культуре. Соответственно, эпистемическая эффективность теологии является одним из факторов ее легитимации в пространстве светского университета.

Своеобразным «вызовом», то есть фактором делегитимации теологии, который закреплён в господствующей легитимации университета, является идея о том, что университет является пространством производства и передачи научного знания, тогда как теология не отвечает классическим критериям научности. Стратегией сохранения со стороны теологии здесь могут быть попытки представить теологию как науку. Но классический научный стандарт здесь не может быть соблюден: квазинаучная теология, во-первых, не продуцирует собственных научных фактов, а интерпретирует уже имеющиеся, что не соответствует научному стандарту; во-вторых, она имеет предзаданный вывод, существующий до и помимо научных фактов (религиозный догмат), что тоже представляется нетипичным в контексте правил функционирования науки. Поэтому можно говорить не о научном, а о квазинаучном функционировании теологии (под квазинаукой имеется в виду некорректное следование познавательным стандартам науки). Примером такого функционирования может служить эвиденциалистская естественная теология, то есть проекты, которые постулируют необходимость рационального доказательства богословских положений (зачастую при помощи научных данных).

Также теология может прибегать к стратегии подрыва. Здесь актуальным является академический опыт философии, которая, не являясь наукой, в настоящий момент не стремится к тому, чтобы

легитимировать себя в качестве строгой научной дисциплины. Аналогичным образом теология могла бы не ассимилировать научный познавательный стандарт, функционируя квазинаучно (стратегия сохранения), а следовать собственным эпистемическим нормам (стратегия подрыва).

Политический аспект проблемы академического присутствия теологии

Социальная оценка деятельности по производству стратегий объяснения мира в первую очередь воспринимается как проблема теории познания, но дальнейший анализ демонстрирует тесную связь эпистемических вопросов со сферой политики. Например, Карл Мангейм (Karl Mannheim), диагностируя кризис западного мышления, видит процесс его зарождения в расшатывании церковной монополии на истину. Разделение религиозного миропонимания на множество «правд» сопутствовало плюрализации и в политической сфере. Как политические партии, так и государство, стремясь укрепить свое влияние, прибегли к теоретическому оформлению своих притязаний на господство. Политическое мышление стало связывать себя не только с философией, но и с наукой [Мангейм, 1976]. Перефразируем выводы К. Мангейма: социальный престиж политических агентов увеличился благодаря апелляции к рациональному дискурсу, который был отмечен высоким познавательным статусом.

Политический аспект академического присутствия теологии представляет собой позиции и аргументы, относящиеся к принудительному единству человеческих сообществ, вытекающей из этого единства изоляции, и средствам, которые позволяют обеспечить эти единство и изоляцию. Данный аспект будет рассмотрен через призму теорий, которые описывают теологию как субъекта справедливости; как оправдание или воспроизводство господства; как теоретический источник форм явленности политического.

Государство как форма политического единства (и вместе с тем форма политической изоляции) [Магун, 2011] играет особую роль в установлении и поддержании справедливости. Политический аспект академического присутствия теологии может быть рассмотрен через призму понятия справедливости (в смысле Поля Рикера и Дж. Ролза), поскольку последняя определяется в том числе как нравственная ценность, которая оказывает влияние на политику как на социальный институт; кроме того, политические связи принадлежат к сфере взаимодействий, которая, в свою очередь, испытывает зависимость от этических суждений [Рикёр, 1995].

Ролз выбирает понятие справедливости в качестве центрального для своей этической системы, но не отрицает его связи и с политикой: в частности, он называет политические по существу теории общественного договора источниками своей концепции. Идея справедливости как «первой добродетели общественных институтов» [Ролз, 1995: 19] связана у него с процедурами распределения «выгод и тягот социальной кооперации» [Ролз, 1995: 21]. Теологические кафедры и факультеты выступают субъектами справедливости, и поэтому рассматриваются в этом качестве как претендующие на государственные ресурсы. Речь идёт не только об экономических благах, религия борется в том числе и за престиж. Присутствие дисциплины в университете воспринимается: 1) как факт признания со стороны государства её важности (в случае теологии речь идёт о важности в мировоззренческом отношении); 2) как показатель её высокого познавательного статуса, который доказывается признанием со стороны университетского общества. Связь между эпистемическим статусом дисциплины и её присутствием в университете можно объяснить исходя из идеи Фейерабенда, согласно которой наука в познавательном отношении обыкновенно рассматривается как наиболее предпочтительный дискурс и наиболее достоверная форма познания, вследствие чего для нее характерно сращение с государством [Фейерабэнд, 2007].

Также политика в связи с исследуемой проблемой раскрывается в понятии политической теологии, которая, в трактовке П. Рикёра, функционирует в качестве легитимации вертикального измерения власти, то есть господства, причём эта легитимация происходит за счёт обоснования присутствия господства в божественной трансценденции [Рикёр, 1995]. Такое описание одной из задач теологии может иллюстрировать её функционирование в университете.

Понятие политической теологии в интерпретации Рикера подразумевает, во-первых, что теология легитимирует, но не воспроизводит господство, во-вторых, что не любой социальный институт является обоснованием господства. Обратные этим утверждения можно встретить в структуре рассуждений Луи Пьера Альтюссера, который выделяет в структуре государственного аппарата репрессивный аппарат и идеологические аппараты государства (ИАГ). Для репрессивного аппарата государства в большей мере характерно применение насилия, а отличительными чертами ИАГ являются: 1) нацеленность на воспроизводство идеологии, понятой как воображаемое представление о реальных условиях существования индивидов; 2) явленность в общественном поле в качестве разнородных социальных институтов. Целью ИАГ является обеспечение свободного подчинения субъекта, то есть обеспечение субъекции как таковой. Кроме того, большинство идеологических аппаратов государства принадлежат к сфере частного, а не общественного, в отличие от репрессивного аппарата государства (государство формирует иллюзию различия частного и общественного и поэтому остается вне её). Стоит также отметить, что формой существования любой практической деятельности названа именно идеология [Альтюссер, 2011].

Обратимся к соотношению теологии и политического. Политическое в теории идеологии Л. П. Альтюссера представлено как один из идеологических аппаратов государства, то есть в качестве политической системы, которая объединяет в себе

политические партии (буржуазная идеология выступает здесь как объемлющая любые возможные политические инициативы). Теологию же можно отнести к религиозному ИАГ. Любые идеологические аппараты, несмотря на их видимую различность, едины в функциональном отношении. Поэтому цель и теологии, и политики – это воспроизводство условий производства, а именно воспроизводство подчинения. Религиозный ИАГ, как и политический, способствует сознательному исполнению обязанностей агентами производства за счёт погружения в идеологию.

Однако вышеупомянутое определение политического обязывает к пересмотру этого тезиса. Кроме того, можно обратиться к концепциям власти, которые даны в работах философов-пост модернистов (Мишель Фуко, Жан Бодрийяр): власть и подчинение могут быть поняты не как то, что воспроизводится в определённой сфере социального, а как то, что пронизывает любые отношения. Следовательно, можно совершить обратное движение, частично отказываясь в этом случае от альтюссеровского словаря: ИАГ (в том числе религиозный, а значит, и теология) воспроизводит политическое господство и подчинение, служит его практикой.

Место конкретных идеологических аппаратов в образуемой ими системе меняется с течением времени. В частности, роль религиозного ИАГ в докапиталистический период была значительнее: религия и семья функционировали как основные гаранты воспроизводства производительных сил и их субординации. В зрелых капиталистических обществах наиболее существенным инструментом идеологической гегемонии выступает не церковь, а школа.

Школьный идеологический аппарат выказывает свое влияние в той роли, которую он играет в жизни людей, живущих в капиталистическом обществе: школьное образование доступно, в некоторых странах даже обязательно, оно осуществляется в течение длительного времени. Школа формирует индивида

идеологически в то время, когда он наиболее уязвим для такого формирования [Альтюссер, 2011].

По нашему мнению, в настоящий момент к школьному идеологическому аппарату можно в некоторой мере отнести и университет, что связано с тенденцией массовизации образования, которая, в свою очередь, переносит на университет часть функций, ранее реализуемых школой. Переход феноменов из одного ИАГ в другой не является невозможным в теории Альтюссера, так как в совокупном отношении они все нацелены на одно и то же, а именно – на воспроизводство производственных отношений.

Теология в университетском образовании, таким образом, может быть рассмотрена как проявление ностальгии по идеологическому аппарату, огромное влияние которого осталось в прошлом, или даже как попытка религиозного идеологического аппарата взять реванш, его ресентимент. Стратегия реванша играет особую роль в ситуации академической экспансии богословия в Российской Федерации, так как в данных условиях идея возвращения органично вытекает из исторического контекста: победа большевизма прервала течение функционирования религиозного идеологического аппарата. Этим можно объяснить и расширение взаимодействия между российской школой и религией, наблюдающееся в последние годы. Например, это явление отражает введение обязательного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Таким образом, исходя из концепции идеологии Альтюссера, отношения теологии и господства могут быть поняты как воспроизводство господства теологией. Обеспечение воспроизводства господства (Альтюссер) и его оправдание (Рикер) теологией – это проявление стратегии сохранения. Данная стратегия реализуется «слабой теологией», то есть теологическим дискурсом, который функционирует в качестве знака политического. Такая теология реализует стратегию сохранения по отношению к господствующей легитимации универ-

ситета, поскольку претендует на символический капитал, которым располагает наука.

Иначе теология может быть понята как принципиально политическая, то есть как определяющая формы господства, представленная в них и являющаяся ими. Данная идея реализуется Карлом Шмиттом через понятие суверенитета, имеющего непосредственную связь с господством.

Характер связи политики и теологии у К. Шмитта – заимствование. Согласно мысли Шмитта, теология принципиально политична, то есть структуры государства являются систематическим повторением современных им теологических (и вместе с тем метафизических) структур, точнее, представляют собой аналогичные идеи, выраженные в юридической форме. Политическая теология как таковая есть теория монополии на господство, заимствующая (и тем самым секуляризирующая) понятийный инструментарий из теологии. Сущность шмиттовской идеи политической теологии представлена в его теории следующим образом: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причём, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем, но и в их систематической структуре, познание которой необходимо для социологического рассмотрения этих понятий» [Шмитт, 2000: 57].

Шмитт подчёркивает методологическое значение параллелей между теологическими и политическими концептами. Оно позволяет заключить, что идея политической теологии в духе Шмитта может служить средством легитимации теологии в университетском пространстве, поскольку принципиальная изоморфность теологических и государственных понятий предоставляет широкие возможности для понимания последних. Таким образом, рассмотренная теория суверенитета раскрывает потенциал теологии

как значимого инструмента для интерпретации политических структур современности и прошлого.

Таким образом, понятие политической теологии может быть рассмотрено в качестве стратегии подрыва по отношению к господствующей легитимации университета, так как она представляет теологию не как претендующую на научный символический капитал, а как располагающую собственным символическим капиталом.

Итак, наиболее значимыми для проблемы академического присутствия теологии являются следующие способы соотношения теологии и политики: 1) теология как оправдание политического господства; 2) теология как воспроизводство, научение практике господства и подчинения; 3) теология как исток политики, формы политики и теологии изоморфны. Мы полагаем, что данные способы являются различными путями отражения проблемы легитимации теологии в светском университете. В терминах социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана можно отметить, что исследуемая нами проблема является проявлением социальной организации поддержания универсума. Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках политического аспекта вопроса мышление выступает в качестве борьбы за социальное выживание и власть. В качестве такой борьбы П. Бергер и Т. Лукман понимают ресентимент [Бергер и Лукман, 1995]; выше нами была отмечена значимость данного понятия в контексте проблемы академического присутствия теологии. Альтюссеровский теоретический инструментарий демонстрирует, что теология как часть одного из идеологических аппаратов государства стремится вернуть частично утраченный символический капитал.

Данное стремление предполагает взаимодействие с действующей легитимацией университета. Господствующей легитимацией общественного порядка университета можно считать идею университета как пространства научного знания, причем ценность последнего

обусловлена его эффективностью. Разработка данной легитимации была начата новоевропейским эмпиризмом (в частности, Фрэнсисом Бэконом, Джоном Локком), который фокусировался на практической эффективности знания. Наличие и решающую роль данной легитимации в социальном универсуме подтверждают выводы Лиотара [Лиотар, 1998].

Вместе с тем данная легитимация университета, по-видимому, не высказывается о государстве; оно может предстать как некоторая внешняя инстанция, скрывающая свое отношение к университету. В рамках такого представления обнаруживается значимость шмиттовской теории политической теологии. Данная концепция даёт основания для поддержания государством академической экспансии теологии, так как по существу государство и теология представляются изоморфными. Прямая легитимация через религию как идеологический аппарат государства оказывается неэффективной. Следовательно, теология выступает легитимацией государственности, и,

претендуя на признание себя в качестве научного или квазинаучного знания, она тем самым обретает более высокий статус, учитывая особую значимость науки.

Заключение

Познание и политика в вопросе о дозволенности и формах функционирования теологии в университете имеют общую основу. Оба аспекта проблемы сводятся к символической борьбе, в которой элементы господствующей легитимации университета выступают факторами делегитимации теологии, и данная дисциплина стремится к нивелированию влияния этих факторов посредством стратегий сохранения или стратегий подрыва. Стратегии сохранения представляют собой попытки теологии переопределить себя для соответствия символическому миру университета, а стратегии подрыва ставят под сомнение правомерность сложившихся способов объяснять назначение университета. Примеры этих стратегий демонстрирует таблица 1.

Таблица 1. Факторы легитимации и делегитимации теологии

Элементы господствующей легитимации университета и факторы делегитимации теологии («вызовы»)	Стратегии теологии («ответы»)
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ТЕОЛОГИИ	
Университет – пространство научного знания. Теология – это не наука	Стратегия сохранения: теология как квазинаука
	Стратегия подрыва: теология как ненаука; университет не является пространством только научного знания
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ТЕОЛОГИИ	
Академическая экспансия теологии – это попытка вернуть утраченное религиозное влияние через приобщение к политически значимому социальному институту – науке	Стратегия сохранения: слабая теология
	Стратегия подрыва: политическая теология

Таким образом, ситуация вхождения теологии в академическое пространство представлена в терминах символической борьбы. Такое описание позволяет понять причину острой общественной реакции на попытки академической экспансии богословия: данная дисциплина может восприниматься в качестве символической угрозы университету.

Вместе с тем реализация теологией как стратегий сохранения, так и стратегий подрыва указывает на неопределенность статуса религии в современном мире. Постмодерн декларировал легитимацию всех дискурсов, однако в действительности он несвободен от просвещенческого культа науки, вследствие чего попытки легитимации теологии реализуются различными (вплоть до противоположности) способами.

Список литературы:

- Алфеев И. Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3 (34). С. 22–39.
- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. Заметки для исследования // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 14–58.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 19–36.
- Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М., 1996. С. 8–31.
- Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. СПб.: Вестник Знания, 1910. 76 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.
- Мангейм К. Идеология и утопия. М.: [б. и.], 1976. 246 с.
- Полевой Б. Ю. Теология и религиозное образование // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 2. С. 94–101.
- Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, 1995. 160 с.
- Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 536 с.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 413 с.
- Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. С. 7–98.
- Элбакян Е. В отличие от теологии, аксиомы в науке носят «локальный», технический характер... // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3 (34). С. 190–199.
- Schussler A-E. Postmodernism and the Simulacrum of Religion in Universities // Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2016. № 15. P. 76–95.

Об авторах:

Гизбрехт Евгения Сергеевна – магистрант второго года обучения Философского факультета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ev.gizbrekht@gmail.com.

Тарабанов Николай Александрович – к.филос.н., доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: nikotar@mail.tsu.ru.

THEOLOGY IN UNIVERSITY: THE PROBLEM OF LEGITIMATION

Evgeniya S. Gizbrekht, Nikolay A. Tarabanov

Tomsk State University,
36 Prospect Lenina, Tomsk, 634050, Russia.

Abstracts. *The issue posed in this paper is the problem of academical presence of theology, which refers to the question of the factors determining the possibility or impossibility of theology functioning in the space of the secular university. A vast research material is provided by the current situation relating to the process of academic expansion of theology which is being realized in Russia.*

The development of the issue combines the approaches proposed by sociology of knowledge and political philosophy. The problem of the academic presence of theology is presented as a special case of the problem of legitimation posed by sociology of knowledge, which constitutes the problem of organizing the maintenance of the social universe or subuniverses. Consequently, theology attempts to get into the academic space result in its interaction with the existing legitimation of the university. In the framework of this interaction, theology can implement either conservation strategies (theology determines itself in such a way to correspond to the prevailing legitimation of the university) or strategies of subversion (within the framework of this strategy, theology points to the problematic moments of the prevailing legitimation of the university and requires their rethinking or transformation). Conservation and subversion strategies are implemented both in cognitive and political aspects.

The result of the research is a description of the elements of the university's prevailing legitimation (at the same time, these elements are the factors of theology's delegitimation), which serve for theology both as "challenges" and its corresponding "answers" (conservation and subversion strategies).

Key words: *problem of the academic presence of theology, theology, university, education, legitimation, conservation strategies, strategies of subversion, social universe, knowledge.*

References:

Alfeev I. *Teologiya v sovremennom rossiiskom akademicheskom prostranstve* [Theology in modern Russian academical space]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom - State, religion, church in Russia and abroad*, 2016, no. 3 (34), pp. 22-39 (In Russian).

Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'État (Notes pour une recherche)*. Positions, Éditions Sociales, 1976, pp. 67-125 (Russ, ed.: Al'tiusser L. *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva. Zametki dlia issledovaniia. Neprikosnovennyi zapas*, 2011, no.3(77), pp. 14-58).

Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, Anchor Books, 1966. 219 p. (Russ, ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia*. Moscow, Medium, 1995. 323 p.).

Bourdieu P. *Pour une sociologie clinique du champ scientifique. Les usages sociaux de la science. Pour une sociologie clinique du champ scientifique*. Versailles, Editions Quæ, 1997, pp. 11-62. (Russ, ed.: Burd'e P. *Klinicheskaya sotsiologiya polia nauki. Sotsioanaliz P'era Burd'e. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk*. Moscow, Institute of Experimental Sociology; Saint-Petersburg, Aletheia, 2001, pp. 19-36).

Burd'e P. *Universitetskaya doksa i tvorchestvo: protiv skholasticheskikh delenii* [University doxa and creativity: against scholastic division]. *Socio-Logos'96. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk* [Socio-Logos'96. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences]. Moscow, 1996. pp. 8-31 (In Russian).

Comte A. *Cours de Philosophie Positive [Première et Deuxième leçons]*, Paris, Nathan, 1989, 128 p. (Russ, ed.: Kont O. *Dukh pozitivnoi filosofii: Slovo o polozhitel'nom myshlenii*. Saint-Petersburg, Bulletin of Knowledge, 1910, 76 p.).

Lyotard J.-F. *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris, Les éditions de minuit, 1979, 108 p. (Russ, ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoianie postmoderna*. Moscow, Institute of Experimental Sociology; Saint-Petersburg, Aletheya, 1998, 160 p.).

Magun A. V. *Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoi filosofii Novogo vremeni* [Unity and Solitude: A Course in the Political Philosophy of the New Time]. Moscow, New Literary Review, 2011. 554 p. (In Russian).

Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Bonn, Cohen, 1929, 250 p. (Russ, ed.:

Mangeim K. *Ideologiya i utopiya*. Moscow, 1976, 246 p.)

Polevoi B. Iu. *Teologiya i religioznoe obrazovanie* [Theology and religious education]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii - Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2017, Vol. 18, no. 2, pp. 94–101 (In Russian).

Riker P. *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektzii i interv'iu* [Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews]. Moscow, KAMI, 1995. 160 p.. (In Russian).

Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press, 1971, 624 p. (Russ, ed.: Rolz Dzh. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk, Publishing House of the Novosibirsk University, 1995. 536 p.).

Feyerabend P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. London, Verso, 1978, 339 p. (Russ, ed.: Feierabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniia*. Moscow, AST, AST Moscow, Guardian, 2007. 413 p.).

Schmitt C. *Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München, Duncker&Humblot, 1934. 84 p. (Russ, ed.: Shmitt K. *Politicheskaya teologiya. Politicheskaya teologiya. Sbornik*. Moscow, CANON-press-Ts., 2000. pp. 7-98).

Elbakian E. V otlichie ot teologii, aksiomy v nauke nosiat «lokal'nyi», tekhnicheskii kharakter... [Unlike theology, axioms of science have the 'local', technical character...]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom - State, religion, church in Russia and abroad*, 2016, no.3 (34), pp. 190-199 (In Russian).

Schussler A-E. Postmodernism and the Simulacrum of Religion in Universities. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 2016, no. 15, pp. 76–95.

About the Authors:

Evgeniya S. Gizbrekht – Master Student, Tomsk State University, 36 Prospect Lenina, Tomsk, 634050, Russia.

Nikolay A. Tarabanov – Ph.D (Philosophy), Tomsk State University, 36 Prospect Lenina, Tomsk, 634050, Russia.